

Статьи. Теория

ПАВЕЛ СТЕПАНЦОВ

Теоретические стратегии исследования социального действия: каузальное объяснение VS понимание смысла

В данной статье рассматривается теоретический конфликт между позитивистскими и интенционалистскими программами в социальной науке. Основной вопрос работы можно сформулировать следующим образом: за счет каких ресурсов возможно создать консистентный теоретический язык, который позволял бы понимать социальное действие с одной стороны как осмысленное событие, с другой — объяснял бы его причинные связи с предшествовавшими и последовавшими событиями. На основании теоретического анализа работ, посвященных данной проблеме, делается вывод, что такой подход позволяет решить ряд серьезных проблем, имплицитно «защитых» в современные теории действия. Главным его преимуществом является то, что он позволяет относиться к деянию как к событию, ответственность за которое может быть вменена действующему — это помогает вернуть социологии действия ее изначальный замысел, заложенный М. Вебером. Для этого необходимо разработать теоретический язык, позволяющий описывать действие как событие, с одной стороны, происходящее в мире фактов (то есть специфицировать причины и последствия события действия), с другой — произошедшее по замыслу и в соответствии с намерением действующего. С этой целью используется идея позднего Витгенштейна о «высвечивании аспекта» одного и того же события/факта, которая в значительной степени обойдена вниманием современной теоретической социологии. Статья содержательно разделена на несколько частей. Во введении осуществляется постановка проблемы в общих терминах. Затем в первой части текста производится историко-теоретическая реконструкция эпистемологического дуализма наук о природе и наук о культуре, которая заложила эпистемологические основания для стол-

15

Степанцов Павел Михайлович — старший научный сотрудник Международного центра современной социальной теории (МВШСЭН). Научные интересы: социология действия, социология знания, социология событий. E-mail: pavel-stepantsov@yandex.ru
PavelStepantsov — senior research fellow at the International Center for Contemporary Social Theory (MSSSES). Research interests: sociology of action, sociology of knowledge and sociology of events. E-mail: pavel-stepantsov@yandex.ru

кновения интенционалистских и каузалистских подходов к действию. Затем следует критический анализ модели сингулярной каузальности (singular causality), ставшей реальной философской альтернативой обозначенным подходам. Однако, как показано в тексте статьи, данная модель не может быть удовлетворительной в силу отсутствия теоретически обоснованного критерия выбора одного из возможных каузальных описаний действия. Наконец, предлагается решение проблемы, основанное на витгенштейнианской метафоре смены аспекта.

Ключевые слова: действие, объяснение, причинность, намерение, разумное основание, событие, смена аспекта

Pavel Stepanstov

Theoretical strategies of studying social action: Causal Explanation vs Meaning Understanding

16

This article deals with epistemological clash between positivistic and intentionalistic programs in the social sciences. The main question raised here is whether a social action can be comprehended in both causal and motivational terms, which is stressed to be necessary condition for the consistency of the social sciences. Basing on theoretical analysis of scholars' writings on the issue, we can stress that exactly such an approach resolves a number of problems implicit to contemporary theories of action. The main profit it suggests to theoretical sociology may be said to be as follows: it enables imputing the deed to a concrete actor. To achieve this aim we need to elaborate a theoretical language accounting for action as both factual (that is the event with causally accountable antecedents and consequences) and meaningful, intentional event. For that purpose the idea of dawning an aspect suggested by Wittgenstein in PI is employed. The article is divided into several parts. In introductory section the problem is specified in general terms. The first part deals with historical reconstruction of epistemological dualism between Kulturwissenschaften and Naturwissenschaften which led to a later clash between intentionalistic and causaliatic approaches to social action. Then the model of singular causality is examined and criticized as far as it cannot suggest a theoretically viable criterion for separation of valid and invalid descriptions of action. The concluding part suggests the decision of the problem basing on Wittgensteinian metaphor of changing the aspect.

Keywords: action, explanation, causality, intention, reason, event, changing-aspect

1. Введение

В социологической теории можно различить два доминирующих подхода к исследованию социального действия. Первый восходит к работам логических позитивистов по методологии социальных и исторических наук (родоначальником этого направления для теории действия можно считать Карла Гемпеля). Второй

подход тесно связан с герменевтической традицией. Во второй половине XX века этот подход развил и значительно переработал Питер Уинч. Некоторые социальные теоретики, в недавнем времени вернувшиеся к анализу наследия Уинча [см., например, Hutchinson, Read & Sharrock, 2008] показали, что в силу витгенштейнианской направленности работы Уинча было бы по крайней мере неточно причислять его к лагерю герменевтов или интерпретативистов, который чаще всего принято противопоставлять первой — позитивистской позиции. Поэтому в дальнейшем я буду называть позицию Уинча и его последователей интенционализмом.

Два подхода к социальному действию — позитивистский и интенционалистский — интересуют нас в первую очередь с точки зрения их имплицитных аксиоматик в отношении природы действия. Точнее сказать, они предлагают два принципиально различных взгляда на взаимосвязь действия и других наблюдаемых событий. В то время как позитивистские теории рассматривают действие как всего лишь еще одно событие в ряду других природных явлений, общей чертой интенционалистских теорий является то, что они считают действие событием особого рода, поэтому его изучение должно на методологическом уровне отличаться от исследования природных явлений. Означенные предпосылки тесно связаны с эпистемологическими установками позитивистского и интенционалистского подходов. Первые обычно говорят о том, что цель социальных наук — произвести причинное объяснение события действия в соответствии с общими номологическими законами — в идеале, законами, похожими по форме на законы естественных наук (а лучше идентичными таковым). Для них не существует принципиальной разницы между действием и другими (природными) явлениями. Интенционалисты, с другой стороны, подчеркивают необходимость понимания, толкования или реконструкции *смысла* действия, который внеположен сфере природных событий. Утверждая это, они, как правило, предполагают, что смысл специфичен для конкретной ситуации, контекста или практики, поэтому номологические объяснения утрачивают силу, когда речь идет об изучении действия.

Иными словами, столкновение двух обозначенных подходов объясняется тем, что они используют различные критерии значимости теоретических высказываний. Позитивисты пытаются сформулировать свои высказывания в универсальном виде — поэтому они значимы как для социальных, так и для естественных наук. При таком понимании хорошая теория действия должна встраиваться в универсалистские каузальные модели, применимые к явлениям не только социального или культурного мира. Напротив, интенционалисты, как правило, подчеркивают уникальность действия,

его контекстуальный и/или ситуационный характер. Обобщенное объяснение действия не будет схватывать особую природу этого события, а потому является просто бессмысленным.

Можно сказать, что это столкновение имеет прямые последствия для социологического теоретизирования и исследований социального действия. Нередко социолог сталкивается с двумя (взаимоисключающими) альтернативами: если мы хотим понять действие, определить его уникальный для конкретной ситуации смысл, нам необходимо отличить его от других — природных — событий. Если же нам необходимо дать ему причинное объяснение, это возможно сделать только в форме, общей для всех наблюдаемых явлений — как социальных, так и природных; но в таком случае осмысленный характер действия как будто бы теряется. Сформулированная таким образом оппозиция между пониманием смысла и причинным объяснением действия поставила перед социальными науками вопрос: возможно ли объединить каузалистский и интенционалистский подходы? Или, если сформулировать это более четко, — возможно ли понять действие, а также объяснить его причины и последствия, оставаясь в рамках консистентного теоретического языка?

18

Самую известную попытку решить эту проблему предпринял Дональд Дэвидсон [см., например, Davidson, 1963]. Он попытался переписать интенциональное действие на основании теории сингулярной каузальности (*singular causality*), рассматривая основания¹ в качестве причин поступков агента. Однако теория Дэвидсона не стала основой для консенсуса социальных ученых в вопросах соотношения интенциональности и причинности действия. В последнее время модели каузального объяснения социального действия все интенсивнее подвергаются «партизанским атакам» из разных философских и социологических лагерей. Так, Макгуайр кратко изложил суть текущей ситуации: «В соответствии с одной очень популярной точкой зрения, объяснения интенциональных действий <...> обязательно эксплицируют отношения между мотивами действующих и их действиями. Таким образом, те, кто придерживается этой точки зрения — мы можем назвать их каузалистами — настаивают, что объяснение оснований (*reason-explanations*) является разновидностью причинного объяснения. Те же, кто выступает против этой точки зрения — антикаузалисты — отрицают то, что объяснение оснований вообще предполагает какие-либо

1 Здесь мы переводим *reason* как основание, а не причину действия. Это делается с целью подчеркнуть значимую для теории действия Дэвидсона разницу между *reason* и *cause* — основанием и собственно причиной.

причинно-следственные связи между действиями, с одной стороны, и их основаниями, с другой» [McGuire, 2007, p. 460].

Антикаузалистов можно разделить на три лагеря. К первому лагерю относятся аналитические философы, которые пытаются пересмотреть принципы ментальной каузальности. Они утверждают, что основания как ментальные события нельзя в полной мере считать причинами действий, как предлагал Дэвидсон. Среди представителей этой группы находятся Тенней [Tanney, 1995], Хутто [Hutto, 1999], Макгуайр [McGuire, 2007], и Уэбель [Uebel, 2012]. Некоторые из них [см., например, Uebel, 2012] не намерены отказываться от идеи, что действие должно быть объяснено в каузальных терминах, однако они заявляют о необходимости переработки модели, предложенной Дэвидсоном.

Второй лагерь представлен последователями Витгенштейна, которые унаследовали «антикаузалистский» пафос работ Бейкера и Хакера. В своих статьях [Hutchinson, 2007; Read, 2010; Hutchinson & Read, 2008] они подвергают критике убеждение, что философия и социальные науки вообще могут предложить какую-либо модель для объяснения действия, включая каузальную. В 2008 году они объединились с представителями третьего лагеря, а именно с этнометодологами из Манчестера, которые также резко раскритиковали идею, что человеческое поведение можно объяснить, задействуя каузальные или иные универсальные законы, и совместно опубликовали специальный выпуск журнала «Теория, культура и общество». Они критиковали когнитивизм [Watson, Coulter, 2008; Coulter, 2008], интенционалистскую и механистическую философские модели разума [Read, 2008; Hamilton, 2008] и в целом экстерналистский и «сциентистский» подходы к объяснению организованного социального поведения [Sharrock, Dennis, 2008].

Результатом союза этих двух лагерей стала книга Хатчинсона, Рида и Шэррока «Нет такой вещи, как социальная наука: в защиту Питера Уинча» [Hutchinson, Read & Sharrock, 2008]. Как утверждают авторы, цель книги — «отказаться не от науки, но от (ошибочной разновидности) философии» [там же, с. 16]. Пытаясь перепрочитать книгу Уинча «Идея социальной науки и ее отношение к философии» в контексте современных теоретических дискуссий, они вновь поднимают вопрос о перспективах понимания и объяснения социального действия. Авторы критикуют укоренившиеся в методологии социальной науки подходы к объяснению действий и утверждают, что они основаны на философских заблуждениях. Одним из таковых является тяга к обобщению, которую за 50 лет до выхода их книги критиковал сам Уинч: «...само понятие „события“ несет в данном случае отличный смысл, подразумевая контекст правил, которым следуют люди, который нельзя смешивать с контекстом каузальных законов без создания логических трудностей. Таким образом, не удастся доказать, что тип „закона“, который может сформулировать социолог для описания поведения человеческих су-

ществ, не отличается логически от „закона“ в естественных науках»¹ [Winch, 1958, p. 117].

Уинч четко разграничивает методологию объяснения, укоренившуюся в естественных науках, и процедуры, на которые опирается социолог при изучении действия. С точки зрения Уинча, задача естественных наук заключается в том, чтобы установить причинную связь между наблюдаемыми событиями общественной жизни на основе общих (статистических) законов, в то время как социологи должны заниматься пониманием смысла действий (в смысле веберовского *Verstehen*) и отказаться от универсальных моделей причинного объяснения. Иными словами, Уинч выступает именно против модели номологического каузального объяснения действий, которая, с его точки зрения, должна логически отличаться от модели, которую применяет социолог.

В принципе, для теорий действия симптоматична оппозиция между универсальными каузалистскими моделями и пониманием смысла действия. Ее корни можно проследить вплоть до 1920-х гг., когда позитивистски ориентированные философы стали исследовать вопросы, касающиеся человеческой деятельности. Своего рода сциентистски-ориентированная философия была изначально разработана представителями Венского кружка, которые, таким образом, отделили себя от идеализма и наук о духе (*Geistwissenschaften*), потому что последние были провозглашены антинаучными. В свое время Гемпель четко обозначил разницу между естественными науками и науками о культуре, как она понималась философами Венского кружка: «Наблюдение в естественных науках, согласно этой школе мысли [Венский кружок. — П. С.], противопоставляется процедурам, требующим вчувствования и понимания в культурных дисциплинах; и объяснение с точки зрения причин, которое считается прерогативой естественных наук, противопоставляется якобы совершенно иной процедуре в области наук о культуре, а именно пониманию человеческих действий и социальных и исторических изменений с точки зрения нематериальных причин или похожих „значимых“ связей» [Hempel, 2001, p. 255].

Целью логических позитивистов было разработать модель универсального причинного объяснения действий, как можно более близкую методологическим стандартам естественных наук. Именно этой целью руководствовался Гемпель в предложенной им схеме номологического объяснения рационального действия. Именно она

1 Цитата приведена по: Уинч П., Идея социальной науки и ее отношение к философии, М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

стала своего рода парадигмальным образцом для последующих каузалистских моделей в социальных науках.

Принимая во внимание столкновение между каузалистскими и интенционалистскими направлениями теорий действия, в этой статье я хотел бы ответить на довольно простой вопрос: может ли социология объяснять причины и последствия действий, при этом не упуская из внимания их осмысленный характер?

Можно спросить, почему мы вообще должны пытаться соединить эти две точки зрения. Чтобы ответить на этот вопрос, я попытаюсь показать, что как объяснение причинности, так и понимание смысла являются необходимыми условиями социологического понимания действия. Для этого потребуется обратиться к более раннему периоду истории социологии, а именно рассмотреть позицию Макса Вебера в Споры о методе (Methodenstreit). Затем будет произведен критический анализ теории Дэвидсона. Я продемонстрирую ее слабые стороны, показав, что они являются необходимым следствием предположения о существовании ментальных событий (оснований), которые являются причинами действий. Наконец, я обращусь к теории социальных событий как альтернативе каузалистским теориям действия. В целом данная статья написана *с целью наметить новые философские основания социальной науки, изучающей как осмысленный характер действия, так и его фактические последствия.*

21

2. Место социологии действия в дихотомии «объяснение — понимание» (Erklären — Verstehen)

Дискуссия между представителями каузальных моделей объяснения в социальных науках и сторонниками интенционалистского лагеря во многом является продолжением более раннего философского спора. Речь идет о споре о методе между историками и экономистами в отношении того, каким образом должно изучать события в истории [см., например, Feest, 2010]. В то время как представители немецкой исторической школы заявляли, что историческое событие должно постигаться с точки зрения понимания (Verstehen), последователи австрийской школы экономической теории во главе с Карлом Менгером настаивали, что любое событие может быть объяснено сквозь призму общих научных законов, и объяснение (Erklären) является наиболее подходящим методом для изучения истории. Это противопоставление объяснения и понимания (Erklären и Verstehen) в некотором смысле определило последующее разделение наук на «науки о культуре или духе» (Kulturwissenschaften) и «науки о природе» (Naturwissenschaften) [Phillips, 2010].

Это различие нашло свое отражение и философские основания в неокантианской традиции, особенно в произведениях Генриха

Риккерта. Он предложил эпистемологический критерий демаркации наук о природе и наук о духе. По Риккерту это различие имеет аксиологические предпосылки: «Науки о природе и науки о культуре различаются на основании двух несводимых друг к другу теоретических ценностей, которые определяют соответствующую разницу в требованиях к образованию [научных] понятий» [Oakes, 1988, p. 71]. Именно ценностные основания Kulturwissenschaften и Naturwissenschaften определяют их теоретический интерес и процедуры образования понятий. Если понятия Kulturwissenschaften призваны конституировать историческую индивидуальность того или иного явления, то Naturwissenschaften постигают явления с точки зрения общих номологических законов. Таким образом, эти два набора когнитивных ценностей наук о природе и наук о духе конституируют принципиально различные области действительности, т. е. культуру и природу: «Культура является областью смысла, определяемой процедурой отнесения к ценности. Область природы образуется независимо от ценностей. Так как природа не является областью смысла, любое физическое явление можно исчерпывающе объяснить с точки зрения причинных условий его возникновения. Поскольку природное явление лишь существует и ему нельзя приписать наличие смысла, оно не может быть объектом понимания. В результате в области природы наш познавательный интерес можно удовлетворить одним лишь объяснением. Однако это не верно для нашего познавательного интереса по отношению к людям, их действиям и артефактам. Смысл человеческой жизни, которая является единственно возможным объектом нашего интереса для понимания, не может быть сведен к реальным или экзистенциальным свойствам жизни» [Ibid, 97].

Риккерт строго различает две области эпистемологической значимости: для первой важно понимание отдельного явления с точки зрения его истории, для второй значимо причинное объяснение общих тенденций. Познавательный интерес науки определяет конкретную область реальности, которая требует уникального метода для понимания, то есть либо Erklären (для природы), либо Verstehen (для наук о культуре и истории). Пока эти методы строго связаны с эпистемологическими ценностями (которые, в свою очередь, конституируют особые реальности, а именно природную или историческую/культурную), *они не могут пересекаться*. Иными словами, с точки зрения Риккерта, нельзя одновременно причинно объяснить феномен и понять его исторический или индивидуальный смысл, потому что любое явление может быть либо культурным, либо природным в зависимости от эпистемической установки познающего.

В этом контексте представляется, что проект логического позитивизма лишает идею понимания в науках о духе любой познавательной значимости. Например, Гемпель [Hempel, 1942] утверждает, что хотя понимание может служить своего рода дополнительной процедурой в исторической науке (скажем, для формулирования общих гипотез), оно не имеет когнитивной ценности для научного знания как такового. Аналогичный постулат для социальных наук формулирует Теодор Абель: «Эти ограничения практически исключают использование метода понимания (Verstehen) в качестве инструмента научного анализа. И все же в научных исследованиях этот метод может выполнять одну положительную функцию: он играет вспомогательную роль в предварительных исследованиях предмета. Кроме того, этот метод может быть особенно полезным в создании гипотез, хотя его и нельзя использовать для их проверки» [Abel, 1948, p. 217].

С другой стороны, неудивительно, что антикаузалисты также критикуют универсальные модели причинности. Они в той же мере не видят в них никакого смысла, потому что такие модели не имеют для них познавательной ценности и не удовлетворяют их интерес в отношении исторической или культурной особенности феномена¹.

23

Если мы принимаем позицию Риккерта, которая основана на различении аксиологических оснований, а также познавательных интересов наук о природе и наук о культуре, теоретические споры между философами-позитивистами и их оппонентами можно рассматривать как конфликт различных эпистемологических ценностей, теоретических интересов, познавательных целей и методологий образования понятий. Логический позитивизм, следуя своему познавательному интересу, определяет человеческое поведение как природное явление. Позитивисты, исходя из аксиологических оснований своей исследовательской оптики, критикуют науки о культуре и науки о духе, не признавая научного значения процедуры понимания (смысла). С другой стороны, антикаузалисты видят сферу человеческих действий как область смысла, не сводимую к природным явлениям. Поэтому для ее исследования они предлагают другую методологию, настаивая на неполноценности позитивистского подхода в тех случаях, когда он применяется к сфере человеческой деятельности, истории, изучению культурных артефактов и т. д.

1 Наиболее яркая линия современной критики позитивистских моделей объяснения наследует пафос Питера Уинча, который изначально проявился в его книге «Идея социальной науки» [Winch, 1958].

Таким образом, спор между моделью причинного объяснения и моделью понимания действий можно воспринимать как всего лишь очередной пример столкновения различных эпистемологических проектов. Такая позиция имеет свои последствия. *Среди прочего это означает, что действие можно либо причинно объяснить, либо понять его смысл, и эти методы ни при каких условиях нельзя использовать совместно.*

Отсюда можно вывести два следствия. С теоретической точки зрения следует выбрать либо модель объяснения (Erklären), либо модель понимания (Verstehen) — и, в идеале, выбранная модель должна быть провозглашена единственно допустимым способом изучения действия. С метатеоретической точки зрения эти позиции представляют собой конкурирующие эпистемологические проекты, поэтому выбирать можно любой из них до тех пор, пока его использование основано на соответствующем познавательном интересе и пока каузалистская и интенционалистская перспективы не смешиваются.

24

Однако первоначально социологический проект исследования действий не вписывался в риккертовскую дихотомию объяснения и понимания. Другими словами, методология анализа действия в социальных науках не сводилась ни к методологии наук о культуре (Kulturwissenschaften), ни к методологии наук о природе (Naturwissenschaften). Парадоксальность социологического подхода с точки зрения спора о методе (Methodenstreit) видна из того, как Макс Вебер определил ее цели: «Социологией <...> будет называться наука, которая намерена, истолковывая, понять социальное действие и тем самым дать причинное объяснение его протекания и его результатов¹» [Weber, 1968, p. 4]. Вебер был знаком с дихотомией гуманитарных и естественных наук (Kulturwissenschaften и Naturwissenschaften) Риккерта; более того, некоторое время он разделял ее с неокантианцами. Например, в своей ранней работе «Объективность социально-научного и социально-политического познания» он определил историю как науку о культуре, цель которой — понимание каждого отдельного случая в его исторической (и культурной) уникальности [Weber, 1949, p. 72]. Тем более значимым становится его понимание целей социологии. Для Вебера изучение действия должно быть адекватным как с точки зрения понимания его смысла, так и с точки зрения объяснения его причин и последствий.

1 Цитата приведена по: Вебер М. (2002), Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология, под ред. С. П. Баньковской, Ч. 1, 2002.

Важно, что позиция Вебера в отношении совмещения причинного объяснения и смыслового понимания действия не случайна. Она находит корни в самом веберовском проекте социальной науки. Так, например, этот факт тонко подмечает Кеслер: «последняя фаза научной работы Вебера — работы над первой частью „Хозяйства и общества“ — ознаменована попытками посредством введения идеально-типических понятий заложить основания универсально значимой социологии истории, которая не потеряет своей научной ценности с течением времени» (Käsler, 1979, p. 182-183). Иными словами, в соответствии с замыслом Вебера, задача социологии — поиск и открытие универсальных закономерностей в сфере осмысленной человеческой деятельности. Поэтому выбор одной из методологических перспектив, предложенных неокантовцами, для него недопустим. И понимание (смысла действия) и объяснение (общих закономерностей поведения людей) необходимы для изучения осмысленных событий социальной жизни.

Для Вебера социология является эмпирической наукой, задача которой — понимание смысла (Sinn-Verstehen) [социальных явлений]. Однако методологическая процедура понимания не может быть отделена от процедуры каузального анализа. Вебер намеренно подчеркивает внутреннюю связь между двумя этими познавательными стратегиями. Именно их взаимосвязь, с точки зрения Вебера, определяет характер социологии как науки, ориентированной на исследование действительности [там же, 176].

25

Подчеркнем, что социология, исходя из такой интерпретации, не имеет дела ни с культурной, ни с природной реальностью. Она занимается реальностью человеческого поведения, а точнее, социального действия, которая, как ни парадоксально, лежит *вне неокантовской дихотомии культуры и природы*¹.

Однако что заставило Вебера — который в своих ранних работах явно разделял неокантовскую эпистемическую установку — при разработке проекта социальной науки отказаться от прочной, казалось бы, нерушимой эпистемологической базы, заложенной неокантовцами? Объяснение этому мы найдем, обратившись к правовым корням социологии действия Вебера. Мы заметим, что процедура социологического исследования действия окажется на удивление близка процедуре вменения вины в юридической теории: «Для фактического или каузального вменения [вины] необходимо ответить на вопрос, были ли действия человека

1 Возможно, возникнет желание сказать, что она находится где-то между ними, однако Вебер не дает никаких оснований для доказательства этого утверждения.

причиной определенного события; для юридического же или нормативного вменения требуется решить следующую за этим проблему, а именно: может ли человек, чьи действия послужили причиной события, нести за него ответственность в свете смысла некоторой правовой нормы» [Heidelberger, 2010, p. 243].

Говоря проще, правовая теория — как и социология — имеет дело сразу с двумя сторонами одной проблемы. С одной стороны, необходимо определить, в самом ли деле действующий субъект намеревался и желал (то есть имел мотив) совершить некоторое действие. Тут мы сталкиваемся с проблемой вменения намерений и мотивов. С другой стороны, встает вопрос о последствиях действия. Необходимо прояснить, к каким фактическим результатам оно привело. Таким образом, действие (или квалифицируемое юридическое событие) существует сразу в двух «реальностях»: в реальности действительных событий в «мире причин и последствий» и в реальности намерений, мотивов, желаний и убеждений действующего.

Что нам дает юридическая интерпретация действия? Мы видим, что оно рассматривается как фактическое событие в мире других (в том числе природных) событий и его причинно-следственные связи с предшествовавшими или следовавшими событиями можно проследить. Однако логическая структура действия отличается от структуры событий, с которыми имеют дело естественные науки (*Naturwissenschaften*), — с ним сопряжены определенный смысл, мотив и интенциональный характер, которые для адекватного понимания случившегося должны быть эксплицированы. Только эта «двойственность» действия позволяет поставить вопрос об ответственности действующего, потому что *он не просто хотел или намеревался сделать что-то, но и произвел некоторое событие в мире причинно-следственных связей, и, значит, его действие имело последствия*¹. В целом, можно сказать, что социология рассматривает действие как событие, имевшее место в природной истории постольку, поскольку с ним сопряжен смысл. Поэтому ее методология не ограничивается только интерпретацией или причинным объяснением, но требует совмещения интенционалистской и каузалистской перспектив.

По иронии судьбы, именно попытка соединить каузалистские и интенционалистские модели объяснения привела к последующим проблемам в рецепции методологии Вебера. Его проект социальной науки уже не вписывается в различения, заложенные

1 Или наоборот: событие не просто произошло (или не произошло в случае не-деяния) в мире причинно-следственных связей, — оно случилось по воле действующего, поэтому он может отвечать за него.

неокантианской философией, а сам он не потрудился заложить новый эпистемологический фундамент, который мог бы стать основанием для его социологической теории. Возможно, именно это привело к появлению довольно распространенного мнения, что предложенная Вебером методология социальных наук противоречива и полна двусмысленностей. «[Позднейшие] исследователи часто указывали на „двусмысленности“ и „спорные моменты“ в работах Вебера; и, несмотря на многообразие как основных трудов Вебера, так и его работ по методологии, цельная „веберовская школа“ так и не сложилась. До сих пор ведутся споры вокруг проблем, занимавших Вебера, и решений, которые он предложил» [Fulbrook, 1978, p. 71].

Упрощая позицию Вебера, последователи, как правило, рассматривают его либо как социолога-позитивиста, подчеркивая значимость императива каузального объяснения действия на основе номологических и/или статистических законов [например, Abel, 1948; Lasarsfeld, Obershall, 1965; Fulbrook, 1978; Wagner, Zipprian, 1986; Rex, 1991; Heidelberg, 2010 и т. д.], либо как основателя интерпретационной социологии, желавшего понять смысл действия [Hall, 1981; Turner, 1983; Muse, 1981; Zaret, 1980, и т. д.]. Похоже, что до сегодняшнего дня социальная наука так и не нашла философские и методологические ресурсы для реализации веберовского проекта социологии действия.

27

Несмотря на то, что попытка вернуть социологии исследовательский интерес одновременно к объяснению фактического характера действия (то есть рассматривать действие как событие, случившееся в мире причинно-следственных связей), так и к пониманию его смысла представляется весьма многообещающей, она наталкивается на ряд серьезных трудностей. Главная из них — разные эпистемические основания каузалистских и интенционалистских моделей.

Общей чертой этих подходов является то, что, согласно их последователям, смысл действия не может быть постигнут с точки зрения универсальных каузальных законов. Разница в том, что каузалисты и позитивисты не разделяют познавательный интерес к пониманию смысла действия с интенционалистами. Пожалуй, наиболее многообещающей альтернативой этим подходам стала модель сингулярной каузальности (*singular causality*), предложенная Д. Дэвидсоном. Дэвидсоновский проект философии действия ставил перед собой цель интегрировать язык мотивов, установок и смысла действия в каузалистскую перспективу. Однако он имеет серьезные ограничения, не позволяющие рассматривать его как основание для социологических теорий действия, на которых следует остановиться подробнее.

3. Модели каузального объяснения действия

Необходимо отметить, что Дэвидсон был весьма чувствителен к проблематике, обрисованной выше. Он отмечал, что, предлагая объяснение причин и последствий действия, нельзя упускать из виду его осмысленный характер. Его работы по этой теме, собранные в книге «Эссе о действиях и событиях», приобрели такую широкую популярность, что на десятилетия предопределили способ рассуждений о событиях в аналитической философии. Например, в самом конце 1980-х Лепор и Лоуэр утверждали: «Во времена расцвета неовитгенштейнианской и райловской философии сознания — в эпоху „маленьких красных книг“ — общим местом стало то, что объяснение установок не может быть произведено в каузальных терминах, а также то, что убеждения, намерения, представления и т. п. не могут даже претендовать на то, чтобы быть причинами [действий] <...> С тех пор аналитическая философия прошла долгий путь. Труды Дэвидсона, Армстронга, Патнэма и Фодора (среди прочих) подорвали некогда господствующие взгляды, и в настоящее время почти все признают, что мы способны описать состояния и эпизоды [сознания] в терминах причинно-следственных связей» [LePore, Lower, 1989, p. 175].

28

Можно только добавить, что со времени публикации работ Дэвидсона о действии большая часть аналитических философов радикально изменила свое мнение о том, как необходимо объяснять действия. Они отказались от модных «неовитгенштейнианских маленьких красных книг» [Davidson, 1975] и стали верными каузалистами. Часто считается, что точку в дискуссии между неовитгенштенианцами и каузалистами поставило эссе Дэвидсона «Действия, основания и причины» [Davidson, 1963]. «Статья была столь убедительна, что ее центральный тезис — что объяснение оснований [действий] (reason-explanations) является одним из видов причинного объяснения — называют одним из немногих достижений современной аналитической философии» [McGuire, 2007, p. 460].

В этих работах Дэвидсона содержались ресурсы для снятия противоречий между приверженцами позитивистской и интенционалистской теорий действия. Хотя Дэвидсон в общем разделял цель Гемпеля создать теорию причинного объяснения действий, он критически пересмотрел позитивистский проект социальной науки и признал, что действия — это очень специфический вид событий. Их особенность заключается в том, что по отношению к ним можно поставить вопрос, *почему* они были совершены: «Когда мы спрашиваем, почему кто-то действовал так, как он действовал, мы хотим получить интерпретацию этого действия. Поведение действующего кажется странным, чуждым, бессмысленным, нелогичным

или не соответствующим обстоятельствам; или, возможно, мы даже не можем определить, было ли вообще это [событие] действием. Но когда мы узнаем основания, из которых исходил действующий, мы получаем толкование, новое описание его поступков, вписывающееся в знакомую нам картину. Она включает в себя убеждения и взгляды действующего, возможно, также его цели, намерения или принципы <...> Чтобы понять, зная основания, из которых исходил действующий, что само действие было ложью, погашением долга, оскорблением, выполнением обязательств перед ростовщиками [и т. д.], требуется определить смысл действия в контексте правил, практик, традиций и объяснений» [Davidson, 1963, p. 10].

Для того чтобы понять, чем именно было событие действия, необходимо понять, какие основания были у действующего. В противном случае действие остается недоопределенным (*underdetermined*). В этом смысле человеческая деятельность существенно отличается от других (естественных) событий. Ее нельзя адекватно объяснить исключительно в терминах «естественных» причин: «Допустим, кто-то был ранен. Мы могли бы попросту переписать это событие „в терминах причины“, сказав, что этот человек обжегся» [Ibid, p. 10]. Однако, по Дэвидсону, такое описание не является объяснением действия, потому что не содержит интерпретации события с точки зрения его оснований. Скорее, оно характеризует событие как своего рода природное явление, оставляя без внимания его интенциональный и, что более важно, обоснованный характер (рану кто-то нанес). Таким образом, для того чтобы схватить особый характер действия, требуется определить убеждения и взгляды — словом, основания действующего, «в свете которых действие является разумным» [Ibid, p. 9]. Поэтому адекватная интерпретация действий подразумевает экспликацию их оснований. Процедуру интерпретации Дэвидсон называет рационализацией.

29

Поскольку Дэвидсон заявляет, что «рационализация является одним из видов причинного объяснения» [Ibid, p. 2), он продолжает придерживаться каузалистской точки зрения. Тем не менее он пересматривает принципы причинного объяснения, чтобы получить возможность интерпретировать конкретные действия с точки зрения их оснований. Эта цель заставила Дэвидсона разработать теорию сингулярной каузальности. Он явно разводит свой собственный подход и позитивистскую модель причинного объяснения действий, предложенную Гемпелем.

Согласно позитивистской модели, для объяснения причин события требуется собрать исчерпывающую информацию о вызвавших его условиях. Кроме этого, адекватное объяснение предполагает, что описанный набор условий всегда будет приводить к одним и тем же событиям. «Возьмем пример из Милля: один человек, ска-

жем, Смит, умирает, и в качестве причины его смерти указывается то обстоятельство, что его нога соскользнула с лестницы. Милль сказал бы, что мы не определили причину полностью, так как скольжение ноги по лестнице не всегда вызывает смерть» [Davidson, 1967, p. 150]. Следовательно, обычно причинное объяснение предполагает, что описание события и его предпосылок может быть дано только в контексте универсального закона, который исчерпывающим образом устанавливает набор условий и с необходимостью следующих из них событий. «Этот подход, несомненно, находит свои основания в идее, что причинные законы являются универсальными и единичные случаи должны рассматриваться как примеры их действия» [Ibid, p. 151]. Однако предположение, что объяснение действия должно подчиняться универсальным каузальным законам, обезценивает любую индивидуальную интерпретацию причин действия.

30 Это означает, что основания, по которым актер совершил действие в конкретной ситуации, не имеют никакой познавательной ценности. Ученый-позитивист, изучающий социальное поведение, должен заниматься проверкой гипотез, касающихся человеческого поведения в целом, что позволит ему открыть (или установить) универсальные законы поведения. Однако *такая позиция подрывает идею Дэвидсона, что действие — это событие, по отношению к которому можно поставить вопрос, почему оно было совершено*. Знай мы весь набор условий, которые с необходимостью (в соответствии с некоторым универсальным законом) приводят к рассматриваемому событию, было бы бессмысленно спрашивать, почему оно произошло. В частности, поэтому для Дэвидсона принципиально важно подчеркнуть, что одно действие может быть объяснено множеством различных, часто противоречащих друг другу способов.

Чтобы разрешить этот парадокс, Дэвидсон вводит концепцию сингулярной каузальности. Он утверждает, что для адекватного каузального объяснения рассматриваемого события не требуется исчерпывающе описывать весь набор условий, которые его вызвали: «Причиной того, что этот фитиль зажегся, было то, что его зажгли. — Да, но это было только частью дела: это должен быть сухой фитиль, там должно быть достаточно кислорода, искра должна быть достаточно сильной и т. д. Мы должны понять, что комментарий „Да, но...“ не имеет такой большой силы, как мы думали. Неправильно думать, что зажигание фитиля было всего лишь частью причины, так как этот фитиль уже фактически был сухим, кислорода хватило, и искра была достаточно сильной» [Ibid, p. 156].

Адекватное понимание причины не предполагает перечисления всего набора детерминирующих условий, которые должны быть удовлетворены. Это утверждение радикально модифицирует принципы каузального объяснения. Дэвидсон подчеркивает, что нам не-

обходимо (и достаточно) понять только лишь причины единичного события — того самого события, которое произошло, — вместо того чтобы объяснять, почему это событие не могло не произойти при этих условиях.

Причинное объяснение действия не должно заикликоваться на универсальных законах. Оно рассматривает конкретные события, а не имеет дело с наблюдаемым событием как представителем класса событий, которые с необходимостью произойдут при наличии определенного класса условий. Тем самым модель сингулярной каузальности отрицает провозглашенный в свое время Гемпелем принцип, что объяснение действий должно иметь дело с типичными характеристиками событий, а не с самими событиями [Hempel, 1942]. С точки зрения Дэвидсона общие номологические законы не играют главную роль в причинном объяснении: «Это объяснение [предложенное позитивистами] подразумевает нечто, относящееся ко <...> „всему человечеству“; но существует также более короткое, хоть и менее информативное объяснение» [Davidson, 1976, p. 274].

Иными словами, *каузальная интерпретация действий не подразумевает универсального знания о том, что бы все люди делали в этой (типичной) ситуации*. Объясняя действие, мы не обязаны специфицировать исчерпывающий набор его каузальных условий, которые были бы справедливы по отношению ко «всему человечеству». Что действительно нужно для интерпретации причин действия, — так это выявить уникальную-причину-этого-вот-действия, или сингулярную причину. Хотя Дэвидсон допускает, что сингулярные объяснения содержат меньше информации, они, тем не менее, единственно применимы при анализе действий.

Вкратце смысл модели сингулярной каузальности заключается в том, что она позволяет увидеть действия как события особого рода. Это те события, которые нельзя объяснять исходя из универсальных законов. Чтобы дать причинное объяснение событию действия, необходимо проанализировать желания и убеждения действующего, которые заставили его действовать определенным образом [см. Davidson, 1963; Mele, 2003]. При этом анализ сингулярных причин действия, по мнению Дэвидсона, дает социальным ученым достаточно информации для того, чтобы предложить убедительную и понятную каузальную историю — интерпретацию.

В основе модели сингулярной каузальности лежит несколько теоретических ходов. Прежде всего, Дэвидсон определил действия как особый род событий, которые отличаются от других событий, потому что по отношению к ним возможен вопрос: «что побудило актора к совершению этого действия?». *Этот вопрос не имеет смысла для «чисто естественных» событий, которые случаются с необходимостью, исходя из универсальных каузальных законов*. Затем он наделил

основания действующего причинной силой, сказав, что именно их описание будет адекватной каузальной интерпретацией действия. После этого им была предложена модель сингулярной каузальности, в основании которой лежит утверждение, что *причиной события следует считать не исчерпывающий набор предшествующих ему условий, а другое единичное событие*, которое произошло в этих конкретных обстоятельствах. И *этим событием по отношению к действию является основание* [Davidson, 1963, p. 5-6; 9-11].

В результате Дэвидсон по-своему решил проблему каузального объяснения осмысленных событий. С одной стороны, он сохранил интенциональный пласт в своих объяснениях, с другой — встроил действия в причинно-следственные цепочки событий. Действием для Дэвидсона является осмысленный поступок, который имел причину (основания, что делает его потенциально понимаемым — в терминах, почему оно произошло — событием) и вытекающие из него последствия.

Доминирующая на данный момент традиция казуального объяснения действия основана главным образом на проекте Дэвидсона. Сингулярными причинами действия являются ментальные события — основания, из которых исходил действующий. Однако именно эта позиция привела к двусмысленности и противоречивости этой модели, на которые указывают «антикаузалисты» из аналитического лагеря. В дальнейшем, раскрывая суть критики модели Дэвидсона, я покажу, что наделение ментальных событий причинной силой приводит к скептицизму по отношению к возможности объяснения действий.

32

4. Причины как события

Концепция сингулярной каузальности Дэвидсона позволяет выйти за рамки спора между позитивистами и интенционалистами. Она дает возможность построить неномологическую модель причинности в социальных науках, которая не предполагает отсылку к универсально значимым законам, а также позволяет проинтерпретировать смысл конкретного действия (т. е. ответить на вопрос, почему это действие было совершено), не требуя при этом знания универсальных принципов человеческого поведения. Это означает, что правильная интерпретация причин действия состоит в понимании оснований действующего, которые уникальны в каждой конкретной ситуации и не могут быть выведены из номологических законов.

Теорию сингулярности (singularity) Дэвидсона нельзя свести к тому, что исследователь просто не обладает достаточным пониманием законов, которые позволили бы объяснить человеческое

поведение¹. Скорее, она определяет логическое различие в методологии социальных и естественных наук. И «социальные события», и «природные явления» можно объяснить с точки зрения их причин, однако принципы причинного объяснения, принятые в этих науках, расходятся.

Подчеркивая отличия модели причинности для поведенческих наук, Дэвидсон, возможно ненамеренно, указывает на уникальность действия и значимость его контекста. Как мы помним, каузальное объяснение действий должно ответить на вопрос, почему действие было совершено, — другими словами, специфицировать цели и убеждения действующего, его или ее основания действовать определенным образом здесь и сейчас. Это утверждение может удовлетворить некоторых последователей «интерпретационного» подхода в социальных науках.

Однако оно содержит важное методологическое заблуждение, на которое в своем анализе указывали критики модели сингулярной каузальности. «Эпистемологическая проблема заключается в следующем: если наша практика объяснения [действий] не основывается на понимании — каким бы расплывчатым оно ни было — универсальных регулярностей, что может обосновать наше утверждение, что причиной данного действия была именно эта, а не какая-либо другая?» [Uebel, 2012, p. 34-35]. Уэбель различает два аспекта проблемы: «[во-первых], нам нужно обосновать, что связь между действием и набором приписываемых ему установок в действительности является причинной связью» [Ibid, p. 35]; и «[во-вторых], мы должны доказать, что [выделенный] набор установок правильно идентифицирует причину действия» [Ibid, p. 36].

Эти два утверждения взаимосвязаны и вытекают из проблемы неполноты сингулярной модели каузальности: «Одинаковое поведение может быть понято посредством приписывания ему множества различных установок, даже если мы описываем его в узком смысле как одно и то же действие. Тем не менее нет никаких доказательств, почему один набор установок должен быть предпочтительнее другого» [Ibid].

Проблема того, почему идентичные случаи поведения могут иметь различные наборы пропозициональных установок, соответствует аргументу Витгенштейна о недостаточной определенности поведения с точки зрения правил. «Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответст-

1 Исследователи, интерпретирующие теорию действия Дэвидсона, очень часто приводят этот аргумент [см., например, Uebel, 2012].

вие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут не было бы ни соответствия, ни противоречия» [Wittgenstein, 1953, § 201].

Замечание Витгенштейна открывает две грани проблемы. Первая относится к нашей неспособности однозначным образом сопоставить наблюдаемое поведение, с одной стороны, и соответствующее ему правило или закон — скажем, закон причинности — с другой. Как заявлял Витгенштейн и позже подчеркивал Уинч, этот аспект проблемы тесно связан с вопросом идентификации и различения действий [Wittgenstein, 1953, §§ 215-216, Winch, 1958, p. 26-28]. Тем самым, критика модели сингулярной каузальности в действительности напрямую относится к проблеме идентификации правилосообразных действий (например, сообразных правилу выбора одной сингулярной причины действия среди множества возможных), а ее решение требует доказать, что выделенный набор установок корректно идентифицирует причину действия.

34

Эта грань проблемы не ставит под сомнение тот факт, что основания действия существуют (или могут существовать), и именно они каузально детерминируют наблюдаемое поведение. Суть в том, что мы просто не знаем, что это за основания и каков вид их связи с фактическим поведением. Таким образом, с этой позиции можно сказать, что модель сингулярной каузальности хороша, хотя и неполна. Следовательно, проблему недообоснованности можно решить, всего лишь «подправив» модель путем введения в нее новых переменных. Это то, что действительно впоследствии предлагает Уэбель.

Однако витгенштейнианский аргумент можно сделать более радикальным. Он открывает перспективы для скептицистской критики модели сингулярной каузальности. Для этого необходимо задействовать интерпретацию проблемы недоопределенности, предложенную Солом Крипке. Крипке ставит под сомнение саму возможность действующего быть уверенным в том, что он имел в виду, совершая действие [см. Kripke, 1982, p. 8-21]. Можно предположить, что знание актора о том, что он сделал, вообще не имеет отношения к проблеме корректной идентификации причины действия. В конце концов, в распоряжении социолога есть более надежные методы для анализа оснований, по которым было совершено действие.

Однако аргумент Крипке и тоньше, и сильнее. Он не критикует когнитивные способности действующего или познавательные возможности социологии. Дело не ограничивается лишь проблемой приобретения правильного знания о том, что имелось в виду, когда некто совершал действие. Однако суть проблемы в том, что «ничто в моей ментальной истории прошлого поведения — даже то,

что может быть известно лишь всезнающему Богу — не способно определить», что я имел в виду, совершая действие, а поэтому проблематично говорить о том, что вообще существует такая вещь (или событие), как мое-полагание-смысла или основания действия» (там же, с. 21). Аргумент Крипке базируется на утверждении Витгенштейна о том, что в нашем сознании не может существовать таких ментальных вещей или событий, которые предопределяли, влияли бы на наше поведение или направляли его — иными словами, хоть в каком-то смысле действовали бы как причина [Wittgenstein, 1953, §§ 175-180, 188-196]. Это означает, в свою очередь, что вопрос о намерениях, основаниях или мотивах действующего не может быть поставлен в каузальных терминах. Иными словами, Крипке критикует идею Дэвидсона о том, что в сознании действующего есть некая «сущность», которая может причинно определить линию поведения действующего (и/или его следование правилу). Поэтому в принципе невозможно установить, что имел в виду действующий (или что он намеревался действовать определенным образом, или что совершил действие по некоторым основаниям). Другими словами, на вопрос, почему действующий совершил именно это действие, нельзя ответить, «заглянув» в его разум и посредством этого определив основания, из которых тот исходил. Последние не просто нам неизвестны (это означало бы, что проблема недоопределенности сингулярного каузального объяснения является только эпистемологической) — они вряд ли существуют.

35

Скептицистский аргумент подрывает онтологические основы особой модели причинности. Необходимо отметить, что в рамках теоретической логики Дэвидсона события — это действительные сущности, которые существуют. Они представляют собой «фундаментальную онтологическую категорию» [см., например, Davidson, 1969, p. 140]. Следовательно, провозглашая, что основания действующего являются событиями, Дэвидсон тем самым наделяет их онтологическим статусом — они существуют в той же мере, что и другие события окружающего нас физического мира. Таким образом, на онтологическом уровне разница между «ментальными» и «физическими» событиями стирается. Значимость аргумента Крипке состоит как раз в том, что он ставит под вопрос наличие ментальных состояний, которые вряд ли мог бы увидеть даже всевидящий Бог.

Важно отметить, что и эпистемологический, и онтологический (скептический) аспекты проблемы недоопределенности основаны на проблеме невозможности наблюдения. Однако эпистемологический аргумент исходит из того, что, хотя никто не может точно знать, каковы были основания для совершения действия, они, пожалуй, все же существуют и являются причиной поведения действующего. Скептицистское утверждение гласит, что никто не может

наблюдать, понять или осознать свои основания, намерения и мотивы, как не может этого сделать социолог или даже «всезнающий Бог». Поэтому скептический аргумент основан на радикальном сомнении в том, что основания, которые, как утверждается, являются причинами действий, обладают онтологическим статусом. Общая основа этих позиций хорошо сформулирована Уэбелем — мы не можем напрямую наблюдать ментальные состояния: «В ряде случаев — когда, например, кто-то проливает чернила или ветер сгибает деревья — мы имеем возможность напрямую наблюдать, что происходит, и это позволяет нам исключить альтернативные объяснения. Однако в случае объяснения оснований нет совершенно никаких наблюдаемых данных, позволяющих исключить альтернативные объяснения» [Uebel, 2012, p. 37].

Что означает это утверждение? Дело не только и не столько в том, что нам становится затруднительно объяснить, почему действие было совершено. *Дело в том, что существует бесконечное число таких возможных объяснений, и у нас нет никаких критериев, чтобы выбрать среди них правильное.* Любые рассуждения, направленные на доказательство правильности каждого из возможных объяснений, будут равнообоснованными. Как результат, мы теряем саму *возможность осмысленно говорить о действиях.* Вопрос «чем было это действие?» и идентичный ему «исходя из каких оснований оно было совершено?» становятся бессмысленными — ответ будет звучать следующим образом: «это действие с равной вероятностью (вернее сказать — обоснованностью) было вызвано чем угодно».

Таким образом, в тот момент, когда мы вводим в концепцию процедуру наблюдения и фигуру наблюдателя, модель сингулярной каузальности начинает трещать по швам¹. Причина в том, что Дэвидсон, как и Гемпель, разрабатывали свои модели действия, исходя лишь из «аналитических задач прояснения понятия действия» [Nempe, 1961, p. 315]. В тот момент, когда мы ставим вопрос, «откуда мы можем знать основания действующего», или, более точно, «каким образом мы можем получить доступ (для наблюдения) ментальных событий, являющихся причинами действия», мы выходим из сферы аналитических моделей в область эмпирической действительности, которая состоит в том, что и социологу-иссле-

1 Необходимо отметить, что в примере Крипке наблюдатель — это не обязательно другой человек. Даже сам действующий может столкнуться с непреодолимыми препятствиями, пытаясь определить «правильные» основания своего действия. Такая радикализация эпистемологического тезиса достигается из-за сомнения в онтологической значимости интенциональных состояний действующего: нельзя говорить, что действующий имел что-либо в виду, что у него были мотивы и намерения совершить действия и т. д.

дователю, и обыденным действующим необходимо производить обоснованные высказывания о действиях.

5. Событие и наблюдение

Мы пришли к выводу, что модель сингулярной каузальности, которая ставила перед собой цель «примирить» каузалистские и интенционалистские перспективы, имеет ряд серьезных недостатков. Вкратце проблема формулируется так: наблюдатель не может идентифицировать основание действующего как событие среди других наблюдаемых событий. Сейчас, чтобы продвинуться дальше, мы должны рассмотреть процедуру наблюдения и ее связь с процессом вычленения событий.

Если принять, что основания нельзя рассматривать как события, так как их нельзя наблюдать, это означает, что события связаны с процедурами их наблюдения. Поэтому мой первый тезис в том, что событие может быть только тем, что можно наблюдать. В противном случае социальный ученый сталкивается со значительными противоречиями и эпистемологическим и скептическим парадоксами, которые были описаны выше.

37

Это утверждение целиком подрывает концепцию сингулярного события. Событие не может последовательно рассматриваться как единичная «вещь». Оно всегда связано с процедурой наблюдения, или, «будучи элементарным, событие не может мыслиться в качестве сингулярного. Иначе размышление о нем приводит к противоречивым характеристикам и парадоксам. Следовательно, для непротиворечивого мышления о событиях необходимо, по меньшей мере, включение в рассмотрение с самого начала нескольких событий, включая события наблюдения» [Филиппов, 2004, с. 23]. Другими словами, любое событие теоретически связано с другим событием, а именно с событием наблюдения. Таким образом, «Признание события в качестве события, в свою очередь, также является событием — событием наблюдения. Именно наблюдатели являются теми, кто решает (принимают взвешенные теоретические решения) или просто регистрируют произошедшее (принимая его как само собой разумеющееся) как событие» [Filippon, 2010].

Эта взаимосвязь любого события с событием его наблюдения исключает скептический или эпистемологический парадоксы. Скептик больше не может обоснованно поставить под сомнение, произошло ли рассматриваемое событие или оно было наблюдаемым. Любое событие является наблюдаемым, потому что процедура наблюдения (событие наблюдения) входит в его логическую конструкцию; любое событие происходит, потому что наблюдатель регистрирует его как то, что произошло.

Таким образом, предложенная Филипповым аналитическая связка «событие наблюдения — наблюдаемое событие» возвращает возможность осмысленной коммуникации о событиях, в том числе и о событиях действия. Прежде всего, событие наблюдается. Как следует из скептицистского парадокса, невозможно с уверенностью знать что-либо о ненаблюдаемых вещах и тем более осмысленно высказываться и вступать в коммуникацию по этому поводу, потому что у нас в принципе нет возможности найти обоснования для наших утверждений, которые могут быть представлены другим наблюдателям. Каковы тогда те условия, которые предопределяют теоретическую возможность коммуникации о действиях?

Во-первых, для коммуникации одна «вещь» — или событие — *должна быть наблюдаема с разных позиций*. Если мы теоретически предположим наличие двух разных наблюдателей, которые наблюдают событие с одной и той же позиции, мы должны будем сказать, что у них две одинаковых картины события, поэтому информация, которую они получают, будет абсолютно идентичной, и, следовательно, у них не будет предмета для коммуникации.

38 Однако это не все. Требуется, чтобы позиции, с которых производится наблюдение, могли быть специфицированы. При наблюдении с разных позиций событие представляется наблюдателям в разном свете. Другими словами, второе предположение состоит в том, что *различные наблюдатели всегда указывают на различные аспекты одного и того же события*. Это приводит к тому, что их описания одного и того же события будут всегда разными, непохожими, а иногда и противоречивыми. Но что различение аспектов одного и того же события, которые специфицируют в своих описаниях разные наблюдатели, дает нам для решения проблемы осмысленности коммуникации?

Витгенштейн, говоря о смене аспекта, замечает: осмысленность утверждения, что некто видит событие или вещь определенным образом, не имеет никакого отношения к особенностям восприятия или индивидуального опыта. Нас не должно здесь занимать, как это для другого — «увидеть что-либо в определенном свете...». Вопрос сводится к тому, *какое значение вкладываем мы в утверждение, что некто видит тот или иной аспект события или проблемы?* Мы понимаем, что другой видит событие в определенном свете — точнее, видит не тот аспект события, который видим мы — если нам его описания, заявления или объяснения наблюдаемого события кажутся допустимыми и осмысленными в рамках текущего взаимодействия.

Что значит «допустимые или осмысленные для текущего взаимодействия»? Рассмотрим следующий случай. «Дети играют, к примеру, в такую игру. Они заявляют, что ящик — это теперь дом; и вот они соответственно толкуют все его элементы, вкладывая в это всю свою

изобретательность. А видит ли теперь ребенок ящик как дом? „Он совершенно забывает, что это ящик; для него это действительно дом“. (На это указывают определенные признаки.) А не было бы в таком случае верно сказать также, что он видит ящик как дом? *Так вот, если вы знаете, как играть в эту игру и в определенных ситуациях с особым выражением восклицаете: „Теперь это дом!“, тем самым вы выражаете вновь высвеченный аспект»* [Wittgenstein, 1956, с. 176, курсив мой. — П. С.].

Высвечивание аспекта, о котором говорит Витгенштейн, *не обусловлено изменением в нашем опыте восприятия ящика*. Мы, наблюдая за детской игрой с ящиком, видели ящик так, как *если бы мы были детьми*, которые в данный момент играют с ним. Таким образом, способность наблюдателя понять и придать смысл утверждению ребенка, что ящик — это дом, определяется возможностью занять позицию ребенка. Это означает, что наблюдатель отличает свой собственный взгляд от точки зрения ребенка. Короче говоря, наблюдатель смог понять утверждение ребенка, что ящик — это дом, потому что он смог идентифицировать позицию ребенка и увидеть ящик в том же свете.

Говоря в общем, коммуникация становится возможной благодаря различению разных аспектов одного и того же наблюдаемого события. Чтобы она была осмысленной, наблюдатель должен иметь возможность отличать свою собственную точку зрения от точек зрения других наблюдателей. Идентификация позиций позволяет придать смысл утверждению, описывающему событие-увиденное-в-ином-аспекте, как это было, например, в случае, когда мы понимали, почему ребенок называет ящик домом.

Следующим нашим шагом должно быть описание условий, при которых возможно различение перспектив наблюдения. До сих пор мы принимали это как аксиому. Тем не менее открытым остается вопрос, почему при наблюдении одного и того же события наблюдатели видят его разные аспекты. Можно сказать, что они обладают разными биографиями, социальным происхождением и т. д., но перво-наперво это разные наблюдатели во времени и в пространстве. «Социальные события — это не только события во времени; они предполагают место, им нужно пространство, в котором они случаются» [Filiprov, 2010].

Коммуникация возможна постольку, поскольку наблюдатели идентифицируют событие с разных пространственных и временных позиций, а также постольку они могут отличить свое место в пространстве и времени от места наблюдаемого события и места других наблюдателей [Филиппов, 2004, с. 25]. Следовательно, понимание позиции других (особенностей видения одного и того же события) возможно, потому что наблюдатели могут определить ее основания — в первую очередь пространственные и временные и лишь затем биографические, социальные, культурные и т. д. Лю-

бому высказыванию о событии можно придать смысл, если сослаться на позицию, из которой производилось наблюдение. Следовательно, любой коммуницируемый аспект события потенциально может иметь смысл, потому что любой другой участник коммуникации может его «высветить».

Однако вернемся к первоначальному вопросу этого параграфа. Что означают эти рассуждения для утверждения, что причинами действий являются ментальные события? Поскольку события — это наблюдаемые явления, а наблюдение предполагает идентификацию событий в пространстве и времени, ментальные события невозможны. Они не происходят в пространстве, потому что никто не может определить место, из которого возможно наблюдать ментальные события. Точнее, нельзя четко определить позицию, с которых производятся их наблюдения, потому что, среди прочего, *любое осмысление события требует явной дифференциации между местом события наблюдения и местом наблюдаемого события.*

40

Это утверждение подкрепляет тезис скептиков. Не существует ментальных событий, или, по крайней мере, им нельзя придать смысл, потому что даже если бы они вообще существовали, то все равно было бы невозможно определить, с каких позиций они различаются и описываются, а следовательно, они не могли бы стать предметом осмысленного обсуждения. Говоря проще, мы никогда бы не смогли понять позицию другого, и поэтому его «высвечивание» аспекта коммуницируемого события оставалось бы для нас попросту бессмыслицей. В силу этого невозможно рассматривать основания действующего или любое другое «ментальное событие» как причину действия.

Каковы же тогда причины действий? Ответ довольно прост: не может быть других причин, кроме наблюдаемых событий, происходящих в пространстве и времени.

Потенциально любое событие, удовлетворяющее этим условиям, может быть описано как причина. Новое высказывание о причине действия подобно смене аспекта. Любому высвечиванию аспекта, любому утверждению о причине действия необходимо придать смысл. Таким образом, с формальной точки зрения главное условие правильного определения причины действия — осмысленность высказывания в контексте позиции говорящего, различимой другими наблюдателями.

6. Смысл, намерение и причина как аспекты одного события

Первоначальной целью данной работы было разработать модель, которая позволяла бы одновременно объяснить как причины дей-

ствия, так и его смысл. Выше был представлен и развернут тезис о том, что событие действия не вызвано намерениями, убеждениями и желаниями действующего. Причиной действия является другое наблюдаемое в пространстве и времени событие.

Однако может показаться, будто, приняв эту позицию, мы полностью исключили возможность рассматривать действие в качестве свободного поступка действующего, который является следствием волевого решения и тем самым отличается от других — «природных» — событий. Эта проблема имела внятное решение в предложенной Дэвидсоном теории сингулярной каузальности: действие отличается от «природных» событий, потому что оно совершается по причинам, исходящим от действующего: у него были основания действовать определенным образом, поэтому он повел себя именно так. Однако, если мы отвергаем утверждение, что основания (и любые другие ментальные состояния) — это события, которые каузально определяют действия, то как можно ответить на вопрос «почему было совершено действие?», иными словами, как сохранить интенциональный, свободный и осмысленный характер человеческого поведения? Не приведет ли эта позиция назад к позитивистской концепции причинности или, возможно, к бихевиористской модели объяснения действий?

41

Эти вопросы на самом деле исходят из допущения, будто смысл, намерение или основания — это то, что происходит *перед* действием. Более того, можно допустить, что намереваться, придавать смысл, желать или иметь основания — это также в своем роде то, что действующий делает (проще говоря, они являются его деяниями) *отдельно* от действия [см., например, Giddens, 1984, p. 10].

Однако поиск таких дополнительных элементов, как интенциональность, осмысленность, мотивированность или обоснованность за пределами собственно действия приводит к широко распространенным заблуждениям. Например, Элизабет Энскомб показывает, почему нет никакого смысла учреждать новые сущности, которые, присовокупляясь к действию, делали бы его интенциональным (и, можно добавить, осмысленным): «Было бы ошибкой при описании интенционального действия как такового давать сначала фундаментальную¹ квалификацию того, что происходит — например, описывать движения мышц или молекул — а потом добавлять к нему намерение как нечто такое <...>, что позволяет квалифицировать [эти события как действия]. *Единственные события, которые*

1 Здесь Энскомб употребляет слово «фундаментальное» в смысле «относящееся к природному миру», то, что, можно предположить, предшествует интенциональным или мотивационным квалификациям событий.

мы рассматриваем, — это сами намеренные действия; и назвать событие намеренным действием означает дать ему соответствующее описание [Anscombe, 1957, p. 29, курсив мой. — П. С.].

Точка зрения Энскомба заключается в следующем: как бы мы ни искали, мы все равно не найдем ничего такого в событиях (которые мы называем интенциональными действиями), что позволило бы нам ответить на вопрос, чем является интенция. Она (равно как и основания, мотивы или смысл) не является ни составной частью действия, ни предшествующими ему деяниями — в противном случае проблемы, с которыми мы сталкиваемся, разрабатывая каузальную модель действия, лишь удвоились бы. Таким образом, нельзя получить ответ на вопрос «почему было совершено это действие?», сказав, что действующий желал, полагал или намеревался что-то сделать. Мы называем некоторое событие действием лишь тогда, когда можем дать ему определенное описание, позволяющее увидеть его в определенном свете, то есть высветить определенный аспект данного события.

42

Следовательно, в некоторых описаниях событие будет чисто «природным», а в других — интенциональным и осмысленным действием. Таким образом, мы можем использовать идею смены аспекта для того, чтобы объяснить, с одной стороны, как действие можно рассматривать в качестве преднамеренного и осмысленного, а с другой — как причинами события становятся другие наблюдаемые события.

Идея в том, что событие само по себе не является осмысленным действием: оно будет осмысленным, обоснованным и т. д. только в рамках конкретного описания. Некоторые описания подчеркивают намеренный и осмысленный характер действия, другие определяют его причины и последствия. Сказать, что эти описания являются взаимоисключающими — то же самое, что заявить, будто бы в детской игре ящик нельзя рассматривать как дом. Или же утверждать, что известное изображение утки-кролика является изображением лишь утки или только кролика.

В действительности мы не можем одновременно увидеть на изображении и утку, и кролика, однако, полностью игнорируя один (любой) аспект картины, мы полностью теряем ее смысл. Описания причин и описание намерений (смысла, оснований) действующего отсылают к одному и тому же событию. Если мы закроем глаза на один из аспектов события, его теоретическая картина будет неполной. Однако отсюда вытекает еще одно теоретическое следствие: невозможно увидеть оба аспекта одновременно. Наблюдатель различает либо причины и последствия действия, либо анализирует его смысл. Однако, необходимо рассматривать и то и другое, чтобы создать завершенный образ наблюдаемого действия.

Данный «двуликий» характер человеческого действия точно подмечен в рассуждениях Х. Арендт: «Существуют две гипотезы, гипотеза науки, что воли нет, и гипотеза здравого смысла, что воля свободна. <...> В тот момент, когда мы начинаем действовать, мы допускаем, что мы свободны, независимо от того, как дело обстоит в действительности. По-видимому, такого доказательства было бы вполне достаточно, если бы мы были, так сказать, только действующими существами. Но беда в том, что это не так, что как только мы перестаем действовать и начинаем рассуждать о том, что мы сделали с другими, или даже о том, какую роль этот отдельный поступок играет во всей нашей жизни, вопрос опять становится крайне спорным. Оглядываясь назад, кажется, что все можно объяснить с помощью причин, обстоятельств и предшествующих условий, поэтому мы вынуждены признать правомерность обеих гипотез, каждая из которых имеет силу в своей области опыта»¹ [Arendt, 2003, p. 129].

Суть этого заявления заключается в том, что существуют две независимые области опыта, и каждая из них легитимна в своих рамках. Они не конкурируют и не исключают друг друга — так же как использование ящика в качестве ящика не мешает его использованию в качестве дома в детской игре.

Социальное действие в нашей картине, иными словами, допускает два типа высвечивания аспектов. Первый — это интенциональный тип. Рассматривая данную группу аспектов, наблюдатель предоставляет описание смысла действия, оснований действовать определенным образом, мотивации действующего и т. д. Необходимо подчеркнуть, что все эти аспекты сами по себе не рассматриваются в качестве отдельных событий. Они не предшествуют действию, не сопровождают и не дополняют его каким-либо другим способом, но, несмотря на это, появляются в описании наблюдателя. Вторая группа — это аспекты причин и последствий действия. Взгляд на причины действия позволяет выделить его как событие среди других наблюдаемых в пространстве и времени событий. Это означает, что у действия есть предпосылки, которые служат его причинами, и последствия, к которым приводит само действие. Таким образом, получается, что у события действия есть фактическая значимость в изменяющемся «мире фактов».

Важным моментом в процессе изменения аспекта является то, что нельзя получить полную картину события действия, если наблюдатель намеренно решил рассматривать только одну группу аспектов. Действие не сводится только к причинам или намерениям,

1 Перевод цитаты дан практически в полном соответствии с Арендт Х. (2013) *Ответственность и суждение*. М.: Издательство института Гайдара.

точно так же как утка-кролик — это не просто утка или кролик. Фокусирование только лишь на намеренном характере или причинности действия не позволяет постичь его смысл.

7. Заключение

В начале работы был поставлен вопрос, как можно рассматривать событие действия, с одной стороны, в качестве осмысленного, и, с другой стороны, как имеющее причины. В первой части текста я пытался показать, что этот вопрос имеет большое значение для социальных наук. Причинно-следственные характеристики социального действия позволяют рассматривать его в качестве события, имеющего фактическую значимость. Иными словами, действие вызвано предшествующими событиями и имеет свои последствия. Осмысленный характер действия позволяет говорить об основаниях, по которым оно было совершено, о мотивации действующего, и — вкратце — отвечает на вопрос, почему действие имело место. Эта двойственная природа действия является конститутивной для социологической теории действия. Социолог должен уделять 44 внимания обоим этим свойствам. Умышленное систематическое игнорирование любого из них не позволяет в полной мере понять действие.

Тем не менее в современной методологии социальных наук наблюдается столкновение между каузальной и интенционалистской моделями действия. История социальной науки и философии знает несколько попыток свести их вместе. В частности, проблеме объединения этих двух точек зрения уделялось очень много внимания в проекте сингулярной каузальности Дэвидсона. Однако в настоящее время этот проект подвергся интенсивной критике, которая подорвала его основные предположения.

Модель сингулярной каузальности Дэвидсона приводит к парадоксам. Рассмотрение действия как события, причиной которого были ментальные события — основания действующего, — приводит к выводу, что о причинах действий невозможно вести осмысленную коммуникацию. Каждое утверждение о причине действия будет потенциально необосновываемым, т. к. ментальные события не могут наблюдаться.

Далее, используя идеи позднего Витгенштейна, мы предположили, что разные или противоречащие друг другу описания событий подобны различению его аспектов. Этот процесс имеет смысл, только если можно специфицировать позиции наблюдателей, исходя из которых описания имеют смысл. Чтобы идентифицировать позицию наблюдения другого, наблюдатель должен прежде всего различать место и время совершения события. Более того, само наблю-

дение представляет собой процесс, который происходит во времени и пространстве.

Наблюдатель, имея возможность различить позицию другого наблюдателя, может вступить с ним в осмысленную коммуникацию. Именно различная позиция другого наделяет его описания смыслом, связывает их с особенностями пространственного, временного, социального, биографического и т. д. положения последнего.

Этот тезис имеет далеко идущие теоретические последствия. Нельзя одновременно увидеть различные аспекты обсуждаемого события — равно как нельзя находиться в двух позициях одновременно. Однако в отношении аспектов причин и последствий и намеренности действий можно сказать, что невозможно получить полную картину действия, если игнорировать один из них.

В данной работе содержится формальное решение проблемы объединения каузалистской и интенционалистской перспектив. Ее конечной задачей было заложить философские и фундаментальные теоретические основания для возможности их совместного использования. Ставкой в этой игре было возвращение к юридическому пониманию действия, заложенному Вебером: как события, имеющего одновременно предпосылки и последствия в «естественной истории» фактов, а также произошедшего по воле и в соответствии с определенным намерением действующего (или вопреки таковому).

Я не стал здесь уделять внимание правилам определения адекватности анализа причин и смысла действия. Должны ли описания причин формулироваться с точки зрения номологических законов, как считают позитивисты, или мы должны рассматривать каждое событие в отдельности, что ближе к проекту сингулярной каузальности? Как можно определить, является ли анализ смысла и намерений действующего адекватным с методологической точки зрения? Все эти вопросы имеют большое значение, однако они выходят за рамки данной работы.

45

Библиография

Филиппов А. Ф., Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода, препринт WP6/2004/2005, Москва, Государственный университет Высшая школа экономики, 2004.

Abel T. (1948), The Operation Called Verstehen. *American Journal of Sociology*, Vol. 54, No. 3, pp. 211-218.

Anscombe G. E. M., *Intention*, Harvard University Press, 2000.

Arendt H. (2003), *Responsibility and Judgment*, ed. by J. Kohn, NY, Random house.

Coulter J. (2008), Twenty-five Theses against Cognitivism. *Theory Culture Society* Vol. 25 (2), pp. 19-32.

- Davidson D. (1963), Actions, Reasons and Causes. *The Journal of Philosophy*, Vol. LX, No 23, Nov. 1963, pp. 685-700.
- Davidson D. (1967a), The Logical form of Action Sentences Events. *Essays on Actions and Events*, Second Edition, 2001, pp. 305-312.
- Davidson D. (1967), Casual Relations. *Essays on Actions and Events*, 2001, pp. 126-136.
- Davidson D. (1969), Individuation of Events. *Essays on Actions and Events*, 2001, pp. 137-151.
- Davidson D. (1976), Hempel on Explaining Action. *Erkenntnis*, Vol. 10, No. 3 (Oct., 1976), pp. 239-253.
- Davidson D. (1971), Agency. *Essays on Actions and Events*, Second Edition, 2001, pp. 305-312.
- Davidson D., (1985), Reply to Quine on Events. *Essays on Actions and Events*, Second Edition, 2001, pp. 305-312.
- Feest U. (2010), Historical Perspectives on Erklären and Verstehen: Introduction. *Historical Perspectives on Erklären and Verstehen*, ed. by Feest U., Springer, 2010, pp. 1-14.
- Filippov A. F. (2004), *Konstruирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода* [The Construction of the Past through the Process of Communication: Theoretical logic of Sociological Approach], preprint WP6/2004/2005, Moscow, State University Higher School of Economics, 2004.
- Filippov A. F. (2010), *Analysis of social events as a theoretical perspective*, Ms.
- 46 Fulbrook M. (1978), Max Weber's 'Interpretive Sociology': A Comparison of Conception and Practice. *The British Journal of Sociology*, Vol. 29, No. 1 (Mar., 1978), pp. 71-82.
- Giddens, A. (1984), *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press.
- Hall J. R. (1981), Max Weber's Methodological Strategy and Comparative Lifeworld Phenomenology. *Max Weber Critical Assessments 1*, Volume II, Routledge, 1991 pp. 1-11.
- Hamilton R. (2008), The Darwinian Cage: Evolutionary Psychology as Moral Science. *Theory Culture Society* 2008, Vol. 25 (2), pp. 105-125.
- Heidelberger M. (2010), From Mill via von Kries to Max Weber: Causality, Explanation, and Understanding. *Historical Perspectives on Erklären and Verstehen*, ed. by Feest U., Springer, 2010, pp. 241-266.
- Hempel C. (1942), The Function of General Laws in History. *Theories of History*, ed. by Gardiner, NY, 1959, pp. 344-357.
- Hempel C. (1961), Rational Action. *The philosophy of Carl G. Hempel: studies in science, explanation, and rationality*, ed. Fetzer J. H., Oxford University Press, 2001, pp. 311-326.
- Hempel C. (2001), Logical Positivism and the Social Sciences. *The philosophy of Carl G. Hempel: studies in science, explanation, and rationality*, ed. Fetzer J. H., Oxford University Press, 2001, pp. 243-275.
- Hutchinson (2007), What's the point of elucidation?. *Metaphilosophy*, 2007, Vol. 38 Issue: 5, pp. 691-713.
- Hutchinson P., Read R. (2008), Toward a perspicuous presentation of «Perspicuous Presentation». *Philosophical Investigations*, 2008, Vol. 31, Issue: 2, pp. 141-160.

- Hutchinson P., Read R., Sharrock W., *There is no such Thing as Social Science*, Ashgate Publishing Limited, 2008.
- Hutto D. (1999), A Cause for Concern: Reasons, Causes and Explanation. *Philosophy and Phenomenological Research*, 1999, Vol. 59, 2, pp. 381-401
- Käsler D. (1979), *Max Weber, An Introduction to his life and work*, Polity Press.
- Kripke S. (1982), *Wittgenstein on Rules and Private Language*, Harvard University Press.
- Lasarsfeld F., Oberschall A. R. (1965), Max Weber and Empirical Social Research. *Max Weber Critical Assessments 1*, Volume IV, Routledge, 1991 pp. 197-218.
- Lepore E., Lower B. (1989), More on Making Mind Matter. *Philosophical Topics*, 1989, Vol. XVII, No 1, pp. 175-191.
- McGuire J. M. (2007), Actions, Reasons, and Intentions: Overcoming Davidson's Ontological Prejudice. *Dialogue XLVI*, 2007, pp. 459-479.
- Mele A. R. (2003), *Philosophy of Action. Donald Davidson*, ed. by Ludwig K., Cambridge University Press, 2003, pp. 137-162.
- Muse K. R. (1981), Edmund Husserl's Impact on Max Weber. *Max Weber Critical Assessments 2*, Volume II, Routledge, 1991 pp. 254-263.
- Oakes G. (1988), *Weber and Riechert, Concept Formation in the Cultural Sciences*, The MIT Press.
- Outhwaite W. (1986), *Understanding Social Life. The Method called Verstehen*, 2nd ed., Beacon Press, Lewes, East Sussex. 47
- Phillips D. (2010), Epistemological Distinctions and Cultural Politics: Educational Reform and the Naturwissenschaft/Geisteswissenschaft Distinction in Nineteenth-Century Germany. *Historical Perspectives on Erklären and Verstehen*, ed. by Feest U., Springer, 2010, pp. 15-36.
- Read R. (2008), The 'Hard' Problem of Consciousness Is Continually Reproduced and Made Harder by All Attempts to Solve It. *Theory Culture Society* 2008, Vol. 25 (2), pp. 51-86.
- Read R. (2010), Wittgenstein's Philosophical Investigations as a War Book. *New Literary history*, 2010, Vol. 41, Issue: 3, pp. 593-612.
- Rex J. (1991), Value-relevance, scientific laws and ideal types: the sociological methodology of Max Weber. *Max Weber Critical Assessments 1*, Volume IV, Routledge, 1991 pp. 237-252.
- Sharrock W., Dennis A. (2008), That We Obey Rules Blindly Does Not Mean that We Are Blindly Subservient to Rules. *Theory Culture Society* 2008, Vol. 25 (2), pp. 33-50.
- Tanney J. (1995), Why Reasons May Not Be Causes. *Mind and Language*, 1995, Vol. 10, 1-2, pp. 105-128.
- Turner S. (1983), Weber on Action. *American Sociological Review*, Vol. 48, No. 4 (Aug., 1983), pp. 506-519.
- Uebel T. (2012), Narratives and Action Explanation. *Philosophy of the Social Sciences*, 2012, Vol. 42, pp. 31-67.
- Wagner G., Zipprian H. (1986), The Problem of Reference in Max Weber's Theory of Causal Explanation. *Max Weber Critical Assessments 1*, Volume IV, Routledge, 1991 pp. 273-289.

Watson R., Coulter J., (2008), The Debate over Cognitivism. *Theory, Culture & Society* 2008, Vol. 25 (2), pp. 1-17.

Weber M. (1949), Critical Studies in the Logic of the Cultural Sciences. *The Methodology of the Social Sciences*, Translated and Edited by E. A. Shils and H. A. Finch, Illinois, The Free Press.

Weber (1968), *Economy and Society*, University of California Press, 1978.

Winch (1958), *The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy*, Routledge, 1990.

Wittgenstein L. (1956), *Philosophical Investigation*, Blackwell Publishing, 2006.

Zaret D. (1980), From Weber to Parsons and Schutz: The Eclipse of History in Modern Social Theory. *American Journal of Sociology*, Vol. 85, No. 5, Mar., 1980, pp. 1180-1201.

References

Abel T. (1948), The Operation Called Verstehen. *American Journal of Sociology*, Vol. 54, No. 3, pp. 211-218.

Anscombe G. E. M., *Intention*, Harvard University Press, 2000.

Arendt H. (2003), *Responsibility and Judgment*, ed. by J. Kohn, NY, Random house.

48

Coulter J. (2008), Twenty-five Theses against Cognitivism. *Theory Culture Society* Vol. 25 (2), pp. 19-32.

Davidson D. (1963), Actions, Reasons and Causes. *The Journal of Philosophy*, Vol. LX, No 23, Nov. 1963, pp. 685-700.

Davidson D. (1967a), The Logical form of Action Sentences Events. *Essays on Actions and Events*, Second Edition, 2001, pp. 305-312.

Davidson D. (1967), Casual Relations. *Essays on Actions and Events*, 2001, pp. 126-136.

Davidson D. (1969), Individuation of Events. *Essays on Actions and Events*, 2001, pp. 137-151.

Davidson D. (1976), Hempel on Explaining Action. *Erkenntnis*, Vol. 10, No. 3 (Oct., 1976), pp. 239-253.

Davidson D. (1971), Agency. *Essays on Actions and Events*, Second Edition, 2001, pp. 305-312.

Davidson D., (1985), Reply to Quine on Events. *Essays on Actions and Events*, Second Edition, 2001, pp. 305-312.

Feest U. (2010), Historical Perspectives on Erklären and Verstehen: Introduction. *Historical Perspectives on Erklären and Verstehen*, ed. by Feest U., Springer, 2010, pp. 1-14.

Filippov A. F. (2004), *Konstruivovanie proshlogo v processe kommunikacii: teoreticheskaja logika sociologicheskogo podhoda* [The Construction of the Past through the Process of Communication: Theoretical logic of Sociological Approach], preprint WP6/2004/2005, Moscow, State University Higher School of Economics, 2004.

Filippov A. F. (2010), *Analysis of social events as a theoretical perspective*, Ms.

Fulbrook M. (1978), Max Weber's 'Interpretive Sociology': A Comparison of Conception and Practice. *The British Journal of Sociology*, Vol. 29, No. 1 (Mar., 1978), pp. 71-82.

- Giddens, A. (1984), *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press.
- Hall J. R. (1981), Max Weber's Methodological Strategy and Comparative Lifeworld Phenomenology. *Max Weber Critical Assessments 1*, Volume II, Routledge, 1991 pp. 1-11.
- Hamilton R. (2008), The Darwinian Cage: Evolutionary Psychology as Moral Science. *Theory Culture Society* 2008, Vol. 25 (2), pp. 105-125.
- Heidelberger M. (2010), From Mill via von Kries to Max Weber: Causality, Explanation, and Understanding. *Historical Perspectives on Erklären and Verstehen*, ed. by Feest U., Springer, 2010, pp. 241-266.
- Hempel C. (1942), The Function of General Laws in History. *Theories of History*, ed. by Gardiner, NY, 1959, pp. 344-357.
- Hempel C. (1961), Rational Action. *The philosophy of Carl G. Hempel: studies in science, explanation, and rationality*, ed. Fetzer J. H., Oxford University Press, 2001, pp. 311-326.
- Hempel C. (2001), Logical Positivism and the Social Sciences. *The philosophy of Carl G. Hempel: studies in science, explanation, and rationality*, ed. Fetzer J. H., Oxford University Press, 2001, pp. 243-275.
- Hutchinson (2007), What's the point of elucidation? *Metaphilosophy*, 2007, Vol. 38 Issue: 5, pp. 691-713.
- Hutchinson P., Read R. (2008), Toward a perspicuous presentation of «Perspicuous Presentation». *Philosophical Investigations*, 2008, Vol. 31, Issue: 2, pp. 141-160.
- Hutchinson P., Read R., Sharrock W., *There is no such Thing as Social Science*, Ashgate Publishing Limited, 2008.
- Hutto D. (1999), A Cause for Concern: Reasons, Causes and Explanation. *Philosophy and Phenomenological Research*, 1999, Vol. 59, 2, pp. 381-401
- Käsler D. (1979), *Max Weber, An Introduction to his life and work*, Polity Press.
- Kripke S. (1982), *Wittgenstein on Rules and Private Language*, Harvard University Press.
- Lasarsfeld F., Oberschall A. R. (1965), Max Weber and Empirical Social Research. *Max Weber Critical Assessments 1*, Volume IV, Routledge, 1991 pp. 197-218.
- Lepore E., Lower B. (1989), More on Making Mind Matter. *Philosophical Topics*, 1989, Vol. XVII, No 1, pp. 175-191.
- McGuire J. M. (2007), Actions, Reasons, and Intentions: Overcoming Davidson's Ontological Prejudice. *Dialogue XLVI*, 2007, pp. 459-479.
- Mele A. R. (2003), *Philosophy of Action. Donald Davidson*, ed. by Ludwig K., Cambridge University Press, 2003, pp. 137-162.
- Muse K. R. (1981), Edmund Husserl's Impact on Max Weber. *Max Weber Critical Assessments 2*, Volume II, Routledge, 1991 pp. 254-263.
- Oakes G. (1988), *Weber and Rickert, Concept Formation in the Cultural Sciences*, The MIT Press.
- Outhwaite W. (1986), *Understanding Social Life. The Method called Verstehen*, 2nd ed., Beacon Press, Lewes, East Sussex.
- Phillips D. (2010), Epistemological Distinctions and Cultural Politics: Educational Reform and the Naturwissenschaft/Geisteswissenschaft Distinction in Nineteenth-

Century Germany. *Historical Perspectives on Erklären and Verstehen*, ed. by Feest U., Springer, 2010, pp. 15-36.

Read R. (2008), The 'Hard' Problem of Consciousness Is Continually Reproduced and Made Harder by All Attempts to Solve It. *Theory Culture Society* 2008, Vol. 25 (2), pp. 51-86.

Read R. (2010), Wittgenstein's Philosophical Investigations as a War Book. *New Literary history*, 2010, Vol. 41, Issue: 3, pp. 593-612.

Rex J. (1991), Value-relevance, scientific laws and ideal types: the sociological methodology of Max Weber. *Max Weber Critical Assessments 1*, Volume IV, Routledge, 1991 pp. 237-252.

Sharrock W., Dennis A. (2008), That We Obey Rules Blindly Does Not Mean that We Are Blindly Subservient to Rules. *Theory Culture Society* 2008, Vol. 25 (2), pp. 33-50.

Tanney J. (1995), Why Reasons May Not Be Causes. *Mind and Language*, 1995, Vol. 10, 1-2, pp. 105-128.

Turner S. (1983), Weber on Action. *American Sociological Review*, Vol. 48, No. 4 (Aug., 1983), pp. 506-519.

Uebel T. (2012), Narratives and Action Explanation. *Philosophy of the Social Sciences*, 2012, Vol. 42, pp. 31-67.

50

Wagner G., Zipprian H. (1986), The Problem of Reference in Max Weber's Theory of Causal Explanation. *Max Weber Critical Assessments 1*, Volume IV, Routledge, 1991 pp. 273-289.

Watson R., Coulter J., (2008), The Debate over Cognitivism. *Theory, Culture & Society* 2008, Vol. 25 (2), pp. 1-17.

Weber M. (1949), Critical Studies in the Logic of the Cultural Sciences. *The Methodology of the Social Sciences*, Translated and Edited by E. A. Shils and H. A. Finch, Illinois, The Free Press.

Weber (1968), *Economy and Society*, University of California Press, 1978.

Winch (1958), *The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy*, Routledge, 1990.

Wittgenstein L. (1956), *Philosophical Investigation*, Blackwell Publishing, 2006.

Zaret D. (1980), From Weber to Parsons and Schutz: The Eclipse of History in Modern Social Theory. *American Journal of Sociology*, Vol. 85, No. 5, Mar., 1980, pp. 1180-1201.